

*Сергей Маловичко,
Марина Румянцева*

**ИСТОРИЯ ЛОКУСА
В КЛАССИЧЕСКОЙ,
НЕКЛАССИЧЕСКОЙ
И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ
МОДЕЛЯХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Статья вторая: (3) Региональная история vs историческое краеведение в неклассической науке (4) Новая локальная история vs историческое краеведение в постнеклассической модели исторического знания

Становление исторического краеведения как области знания

В первой статье мы предложили гипотезу, смысл которой в том, что историческое краеведение в качестве самостоятельной области исторического изучения конституируется в неклассической науке, в конце XIX – начале XX в., в условиях кризиса линейной модели национально-государственного историописания и начала разрушения иерархической структуры исторического знания.

Существенным фактором обретения историческим краеведением самостоятельности был отрыв местной истории от научного исторического знания в области методов исторического исследования. Мы уже отмечали, что по мере профессионализации исторического знания любительский уровень местного историописания делает его все более и более маргинальным в отношении исторической науки. На наш взгляд, эта тенденция проявляется, в первую очередь, в способах обращения к историческим источникам – часто весьма вольных, в придании безусловной ценности историческим фактам, понимаемым, естественно, в рамках классической науки, и в особой риторике местного историописания. Все эти составляющие местной истории не претерпевали существенных изменений в течение XIX – начала XX в.

Заметим, что в это время, во второй половине XIX – начале XX в, в европейской и в российской исторической науке идет рефлексия методов исторического изучения, при этом специальное внимание уделяется вопросам источниковедения. Методологическая рефлексия получает обобщение в разнообразных учебниках исторического метода (И.Г. Дройзен – 1858, Э. Бергейм – 1889, Э. Фриман – 1886, Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос – 1898, А.С. Лаппо-Данилевский – 1910-1913, В.М. Хвостов – 1914).

Приведем несколько примеров размышлений авторов местных историй об источниковой базе их работ. Еще в самом начале XIX в. историк Переславля-Залесского отмечал: «Что следует до древности заведения города и других строений, равно бывшего в нем княжения, и происхождения во время его и после достопамятных происшествий..., оное почерпнул я из разных книг; а из каких? Читатель усмотрит означение их на каждой, где следует, странице»¹. В середине XIX в. В.А. Борисов пространно замечал по этому поводу: «...Я будучи не ученым, зная одну русскую грамоту и имея одну любовь к древностям, своей рукописи не мог дать ученого плана и изложения, – и все, мною написанное, почитаю не более, как сборником старинных и частию новейших материалов для полнейшей истории г. Шуи. При том же многие сведения помещаю собственно для своих сограждан [т.е. горожан – С.М., М.Р.]; многие любознательные найдут в них для себя немало любопытного и нового, касательно древнего быта, устройства и управления Шуи. С уверенностью могу сказать, что в описании моем нет ничего неправдоподобного. Ибо все основал я на письменных актах, подтверждаю ими же и преданиями, заслуживающими всякое вероятие»². А.М. Ильин в начале XX в. об исторических источниках по истории Ростова-на-Дону писал: «Кроме письменной литературы автор воспользовался многими указаниями и сообщениями ростовских старожилов»³.

Местные историки могли рефлексировать и о своей практике использования исторических источников (как этого требовали правила оформления научной работы по истории), но при этом, признавая ее нарушение в своих исследованиях, прибегали к риторике, как это сделал, например, И.И. Дубасов, написавший: «Иногда я, действительно, не указывал источников, откуда брал известные факты. Но это потому, что в некоторых случаях, вследствие разбросанности моих материалов, мне пришлось бы под строчку текста ставить несколько строк указаний на источники»⁴.

Практика местной истории в Европе, по справедливому замечанию современных историков С.Г. Эллиса и И. Микаилидиса, отличалась от научной истории почти полным отсутствием анализа,

---

¹ [Плишкин П.] Историческое, географическое, топографическое и политическое описание города Переславля Залесского, сочиненное коллежским асессором П. Плишкиным. М., 1802. С. I-II.

² Борисов В.[А.] Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. М., 1851. С. II.

³ Ильин А.М. История города Ростова на Дону: очерк с рисунками в тексте. Ростов н/Д., 1909. С. 3.

⁴ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края : [в 6 вып.]. Тамбов, 1890. Вып. 3. С. 4.

выстроенного контекста и характеризовалась сбором фактической информации⁵. Действительно, у того же И.И. Дубасова мы находим такое рассуждение: «Что касается замечаний о неделании мною выводов, то я на это могу сказать лишь то. Предвзятых идей и понятий я не имел, приступая к своим работам, фактов к ним не подбирал и вообще так смотрел на дело, чтобы архивные факты, постепенно выясняясь, больше сами за себя говорили»⁶.

Еще в середине XX в. (1959 г.) В.Г. Хоскинс заметил о местном британском историописании, что оно, во многом, осталось в рамках антикварного типа письма истории, что «много местных историков продолжают писать... без осознания фундаментальных вопросов, на которые они должны дать ответ. Все факты о прошлом их сельского населенного пункта или округа имеют равную ценность; поэтому их истории выглядят как перечисление глав без особой объединяющей темы, а каждая глава – собрание больших или меньших несвязанных фактов»⁷.

Фактический материал, по-прежнему, представлялся самым ценным в подобного рода исследованиях, и он разбавлялся авторами литературной обработкой текстов, в зависимости от хорошего или менее хорошего владения литературным слогом. Большинство местных историков, писавших о далекой древности своих локусов, начинали изложение с кода загадки, риторического «зацепляющего крючка», маркирующего раскрытие тайны возникновения локуса. Например: «Точное время построения города сего [Вологды – С.М., М.Р.] и кем оный основан неизвестно», «Время основания г. Владимира [на Клязьме – С.М., М.Р.] с точностью не определено исторической наукой», «Начало города Торжка сокрыто во мраке давно минувших столетий», «Время основания Смоленска – неизвестно, но...» и т.д.⁸ Конечно, после «но» начиналось самое главное – открытие тайны. Такой дискурсивный ход был призван как заинтересовать читателя, так и показать сложность вопроса, поставленного автором. Решаемая на эвристическом

⁵ [Ellis S.G., Michailidis I.] Introduction: Regional and Transnational History in Europe // Regional and Transnational History in Europe / eds by S.G. Ellis, I. Michailidis. Pisa : Plus-Pisa Univer. Pr., 2011. P. 5. (A Cllohworld reader. Is. VIII).

⁶ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края... Вып. 3. С. 5.

⁷ Hoskins W.G. Local History in England. L. : Longman, 1972. P. 27.

⁸ Брусилов Н.[П.] Опыт описания Вологодской губернии. СПб., 1833. С. 14; Георгиевский В.[Т.] Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир, 1896. С. 7; Историко-статистическое описание города Торжка, составленное Новоторжского Борисоглебского монастыря иеромонахом Илиодором, что ныне Строителем Тербенской пустыни. Тверь, 1860. С. 1; Никифоров Ф.[Л.] Описание города Смоленска 1858 года // Памятная книжка Смоленской губернии. Смоленск, 1859. С. 85.

уровне задача требовала ответа (отсроченного по закону повествования), развернутого в событийный ряд и тем самым превращенного в чисто эмпирическую операцию с большим объемом фактического материала.

Однако, как мы уже замечали, сами «факты» иногда подменяются или под видом «фактов» вводятся совершенно произвольные исторические конструкции, а в качестве аргументов используется простая риторика. Вот один из примеров разрушения аргументированного дискурса авторской риторикой. Выясняя время основания Волоколамска, Н.А. Рожественский писал: «Начало этого города неизвестно; но если верить преданию, то он в *первой половине XI столетия существовал уже* [здесь и далее выделено нами – С.М., М.Р.] при реке Ламе... Это предание *некоторым образом подтверждается* Воскресенскою летописью; в ней упоминается об Волоке *под 1138 годом*. До этого же времени *должно полагать он был в числе безымянных городов* построенных князьями»⁹. Как видим, это «подтверждение» объясняет существование города во второй четверти XII в., но отнюдь не в первой половине XI в. Поэтому объяснение историописателя «должно полагать он был» является лишь желаемым, но произвольным конструктом. Суждение же профессионального историка всегда исходит от сообщения исторического источника, а не из того, каким оно могло бы быть.

Местным историкам уже с конца XIX в. ставили в упрек подмену научно-исследовательской процедуры риторической. Поэтому интересна реакция местных историков на сделанный им упрек. Например, И.И. Дубасов, отвечая по этому поводу критику, свое возражение превратил в очередную риторическую фигуру, написав: «Риторикой мы называем все искусственное, ходульное, напыщенное, лицемерное. Я же писал свои краткие и редкие отступления с любовью к местной истории и искренностью»¹⁰.

Как и английский историк В.Г. Хоскинс, итальянский историк А.Д. Момильяно в местной истории Италии и Франции находил именно антикварный тип историописания. По его мнению, интерес местных историков заключается, в первую очередь, в поиске исторических фактов¹¹. Со второй половины XVIII в. и до настоящего времени в российском местном историописании, и в первую очередь, в историческом краеведении, начиная с момента его становления, исследователи находят как *антикваризм*, так и черты *эрудитского*

⁹ *Рожественский Н.А.* Описание города Волоколамска, Московской губернии // Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии. М., 1864. Ч. 7. С. 1.

¹⁰ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края... 1889. Вып. 5. С. 1.

¹¹ *Momigliano Ar.* Les origines des recherches sur l'Antiquité // Momigliano Arnaldo. Les fondations du savoir historique. P., 1992. P. 61.

типа знания¹². Антикваризм характеризуется тягой историописателя к мелкому, ограниченному, зачастую устаревшему; эрудитский тип – страстью к любым, даже недостоверным сообщениям источников, чужим текстам и вообще сбору большого объема «фактов» без их серьезного анализа. Говоря о современном краеведении, В.Н. Козляков отмечает как раз присущие ему эрудитские и антикварные черты, подчеркивая, что с научной точки зрения в традиционном краеведении присутствует «ограниченность предмета исследования и, как следствие выводов <...> Имея под руками только “свой” материал, краеведы *мало интересуются общей историей России* [выделено нами – С.М., М.Р.]¹³, их работы имеют лишь служебное, прикладное значение»¹⁴.

Региональная история vs историческое краеведение в неклассической модели науки

В предыдущей статье было отмечено наше несогласие с подходом некоторых современных историков, не дифференцирующих исследовательские практики местной и региональной историй. Рассмотрение последней не входит в число задач настоящей работы. Но, чтобы лучше понять различие двух исследовательских практик, относящихся к разным типам исторического знания, мы проведем их сравнение.

Сегодня можно встретить утверждение, что «пионером региональной истории» был известный французский историк М. Блок, монография которого «Иль де Франс: страна вокруг Парижа» как нельзя лучше воплотила идею А. Берра об изучении регионов Франции¹⁵.

¹² Подробнее см.: *Румянцева М.Ф.* Локальная история в актуальном социокультурном пространстве // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика. Ставрополь, 2002. С. 28-34; *Маловичко С.И., Стрелов В.И.* Романтическая дискурсивная практика в ставропольском историописании о развитии образования в губернии // Там же. С. 115-127; *Маловичко С.И.* Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2005. Вып. 7. С. 5-27; *Штергер М.В.* Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX века (по материалам Тобольска и Омска) // Автореф. дис... канд. ист. наук. Омск, 2003. С. 9.

¹³ Напомним, что в предыдущей статье мы обращали внимание на то, что в классической модели местная история была подчинена национально-государственному нарративу.

¹⁴ *Козляков В.Н.* Провинциальный «мир»: очерки истории и культуры. Рязань, 2002. С. 5.

¹⁵ *Jacobson S.* What is a Region? Regions in European History / Jacobson S., Andersen A., Bešlin B., Goederle W., Gyore Z., Muigg M. // Regional and Transnational History in Europe... P. 14,15.

Действительно, А. Берр, начиная в 1900 г. издание «Журнала исторического синтеза» (под названием «Журнал синтеза» – «Revue de synthèse» издается до сих пор) задумал научную программу синтеза знаний вокруг истории¹⁶. В программной статье к проекту он указывал на новое место, которое должна занять историческая психология (по мысли А. Берра, выражающая идею синтеза в истории) в изучении не только общечеловеческого или национального, но и регионального. По мнению ученого, одним из важных инструментов, помогающим изучать региональные истории (régionaux d'histoire) и выявлять «душу» региона, будет провинциальная психология¹⁷. А. Берр инициировал и издание отдельных монографий (девять выпусков), посвященных провинциям и регионам Франции, в том числе написанных М. Блоком, а также Л. Февром¹⁸.

Нельзя не согласиться с тем, что исследование М. Блока специально было посвящено одному из регионов государства, но, выявляя таким образом «пионера», историки обходят вниманием изменения, происшедшие в исторической науке второй половины XIX – начала XX в.

Как уже можно было заметить, практика местной история рождалась и развивалась параллельно со становлением классической модели европейской историографии, она брала пример с этой модели и даже задействовала ее фактологию. Но уже со второй половины XIX в. сложившаяся модель классической европейской историографии перестает удовлетворять часть историков, которые выступили против одной из черт устоявшейся схемы государственной истории – принципа государственной централизации. На наш взгляд, именно критика историками этого принципа позволила обратить внимание на объекты исторического исследования, которые являлись лишь отдельными частями той или иной государственной территории.

А.П. Щапов в 1861 г. писал: «У нас доселе господствовала в изложении русской истории идея централизации; развилось даже какое-то чрезмерное стремление к обобщению, к систематизации разнообразной областной истории. Все особенности, направления и факты областной исторической жизни подводились под одну идею правительственно-государственного, централизованного развития»¹⁹. Через год французский историк Э. Семишон актуализировал

¹⁶ *Boutroux Ém.* Histoire et synthèse // *Revue de synthèse historique.* 1900. Т. 1. № 1. P. 9-13.

¹⁷ *Sur notre programme* // *Ibid.* P. 1-8.

¹⁸ *Febvre L.* Philippe II et la Franche-Comté: Étude d'Histoire Politique, Religieuse et Sociale. P., 1912; *Bloch M.* L'Ile-de-France (Les pays autour de Paris). P., 1913. (Les Régions de la France. Т. IX.)

¹⁹ *Щапов А.П.* Великорусские области и Смутное время (1606-1613) // *Щапов А.П.* Соч. : в 3-х т. СПб, 1906. Т. 1. С. 648.

вопрос о государственной централизации и «подавлении» местных коммунальных обычаев разрастающимся государством²⁰. По мнению американского исследователя Е.К.Л. Голда (работавшего под руководством Г.Б. Адамса, инициировавшего изучение истории отдельных штатов), высказанному в начале 1880-х гг., традиции истории государственной централизации оказались настолько сильными в науке, что внимание ученого склонно концентрироваться на федеральной, а не на местной истории и эту тенденцию нужно преодолеть²¹.

На рубеже XIX–XX вв. все очевиднее становится кризис линейной модели истории, и профессиональная историография сосредотачивается на истории не столько диахронных процессов, сколько на истории синхронических социальных, экономических, культурных, в том числе и региональных структур, помещаемых в исследовательской практике в широкий контекст (И.М. Гревс, И.В. Лучицкий, М.М. Богословский, Г. фон Белов, А. Леру и др.²²).

Заметим, что в начале XX в. представитель баденской школы неокантианства Г. Риккерт, рассматривая экспликацию контекста как необходимое качество научного подхода к изучению истории, писал: «История... стремится, подобно генерализирующим наукам, понять все в известной связи [здесь и далее выделено автором – С.М., М.Р.] ... Историческая связь всякого исторического объекта имеет, так сказать, два измерения, которые можно было бы назвать измерениями широты и долготы, т.е., во-первых, история должна установить отношения, связывающие объект с *окружающей его средой*, и, во-вторых, проследить от начала до конца в их взаимной связи различные стадии, последовательно проходимые объектом, или, иначе говоря, изучить его *развитие*»²³. Аналогичную мысль высказывал в тот же период и русский неокантианец А.С. Лаппо-Данилевский. В связи с

²⁰ *Semichon E.* Histoire de la Ville d'Atmiale et de ses Seigneurs, Sepuis les Temps Anciens Jusqu'à nos Jours. P., 1862.

²¹ *Gould E.K.L.* Local Self-Government in Pennsylvania // Prospectus of the Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science / ed. by H.B. Adams. Baltimore, 1883. P. 22.

²² *Гревс И.М.* Очерки из истории Римского землевладения (преимущественно во время Империи). СПб., 1899 Т. 1; *Лучицкий И.В.* Крестьянское землевладение во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене). К., 1898; *Богословский М.М.* Смоленское шляхетство в XVIII в. // Журнал министерства народного просвещения. 1899. Ч. CCCXXII. Март; *Below G. von.* Das ältere Deutsche Städtewesen und Bürgertum. Bielefeld ; Leipzig, 1898; *Leroux A.* Le Massif Central. Histoire d'une Région de la France. P., 1898.

²³ *Риккерт Г.* Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 147.

проблемой интерпретации исторического источника он писал: «Понятие о той культуре, к которой источник относится, получает.. различные значение, смотря по тому, представлять ли ее себе в виде некоей системы ее элементов [здесь и далее выделено нами – С.М., М.Р.] или в виде некоей стадии ее эволюции, т.е. принимать ли во внимание “состояние культуры” или “период культуры” для истолкования источника; значит, можно различать и два вида типизирующей интерпретации источника: систематическую и эволюционную»²⁴.

Совершенно по-иному, но не менее определенно ставят проблему авторы цивилизационных теорий. Например, О. Шпенглер заявляет, что он против того, чтобы, как это делают историки, «учитывать поверхностно наблюдаемые события духовно-политического рода..., упорядочивая их сообразно “причине” и “следствию” и прослеживая их внешнюю, рассудочно-доходчивую тенденцию», и утверждает необходимость изучения «морфологического сродства [здесь и далее выделено автором – С.М., М.Р.], внутренне связующего язык форм всех культурных сфер...»²⁵.

Таким образом, вместо традиционной истории, представленной линейным повествованием, в зарождающейся неклассической исторической науке акцент сделан на горизонтальное измерение культуры, и одной из проблемных областей становится история отдельного региона / регионального процесса в национальном (а нередко и международном) контексте.

Несмотря на то, что практика изучения прошлого одного региона еще не была отрефлексирована в исторической науке, в Российской империи профессиональные историки, выбирая в качестве объекта изучения историю региона, отмежевывали от научных исследований работы местных историописателей, как это сделал, например, Д.А. Корсаков²⁶.

Начиная с 80-х гг. XIX в., по мере рефлексии над предметом своего исследования и выделения особого поля научной историографии под названием *областная история*, ученые стали выводить за рамки науки местную историю и игнорировать ее, как, например, В.Г. Ляскоронский. Историк в 1897 г. подчеркивал, что «в русской исторической литературе существует немало трудов, посвященных разработке областной истории», и при этом перечислил киевских, казанских и московских ученых – своих современников, после чего определенно добавил: «Можно сказать, что всесторонняя, подробная

²⁴ Лапто-Данилевский А.С. Методология истории : [в 2 т.]. М., 2012. Т. 2. С. 112.

²⁵ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории : [в 2 т.] М., 1993. Т. 1 : Гештальт и действительность. С. 132.

²⁶ Корсаков Д.[А.] Меря и Ростовское княжество: Очерки из истории Ростово-Суздальской земли. Казань, 1872. С. 7-8.

разработка истории русских земель только что началась, и с каждым годом расширяется и вглубь и вширь все больше и больше, предлагая на суд ученого мира все новые и новые труды»²⁷, – тем самым давая понять, что более чем столетняя практика местного историописания им за историю не признается.

Другие его коллеги, принимаясь за историю той или иной земли, все же отмечали существование местной истории, но, критикуя, низводили ее до маргинального состояния. Так, Д.И. Багалея написал об одном из таких трудов, что он «отличается вообще компилятивным характером и самостоятельного значения не имеет»²⁸. А П.В. Голубовский, приступив к изучению истории Смоленской земли, перечислил нескольких местных историописателей (в том числе, уже упомянутого нами в предыдущей статье Н.А. Мурзакевича) и отметил, что они «представляют собой не более как компиляции, не имеющие никакого научного значения»²⁹.

Таким образом, приведенные выше примеры дают представление о том, что между местной и региональной историями (даже в период начального вызревания последней) не было ничего общего. Местная история, эволюционировавшая в направлении краеведения, и региональная история выполняют разные функции. Первая целенаправленно (хотя, возможно, и неотрефлексированно) конструирует ориентированное на удовлетворение потребностей локального социума историческое знание о его прошлом, которое не базируется на исторической науке (но задействует ее аппарат). Местная история могла и может существовать, только подражая линейной модели классической европейской историографии, только в таком виде возможна ее трансляция в массовое сознание.

При этом следует учитывать, что для классической модели исторического знания не столь легко дифференцировать социально ориентированную и научно ориентированную историю. Сам национально-государственный нарратив в той или иной мере выполнял функцию социально ориентированного историописания. Классическая европейская историография XIX в. была основным инструментом, транслирующим в общественное сознание англичан, немцев, французов, русских представление об особой значимости собственного государства, прошедшего долгий и нелегкий исторический путь. По мнению К. Лоренца, национальная история выполняла сугубо практическую функцию и «для большинства профессио-

²⁷ [Ляскоронский В.Г.] История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия : монография Василия Ляскоронского. К., 1897. С. IV.

²⁸ [Багалея Д.И.] Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства : исследование Д.И. Багалея. М., 1887. С. XIII.

²⁹ Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. К., 1895. С. I.

нальных историков... девятнадцатого и двадцатого веков эта практическая ориентация связана с созданием определенной идентификации с государством»³⁰.

Местная история (историческое краеведение) относится к социально ориентированному типу исторического знания и сегодня помогает проводить искусственную коммеморацию, столь необходимую как для больших, так и для малых общностей. Неслучайно, на сайте «Российский краевед» говорится «об историческом краеведении как инструменте формирования исторического сознания». Более того, там подчеркивается, что историческое краеведение изучает то или иное место для поворота «в практическое русло традиций и тенденций регионального развития» [выделено нами – С.М., М.Р.]³¹, что само по себе говорит о социальной, а не научной его направленности.

Региональная история выростала уже из неклассической историографии, поэтому ее научная модель имеет намного меньше точек соприкосновения с непосредственными потребностями социума и особенно его первичной социальной потребностью в формировании своей идентичности на основе общей социальной (исторической) памяти, поскольку региональная история в большей степени отвечает на актуальные вопросы трансформирующейся науки, а не ставит целью поиск локальной или региональной идентичности.

Новая локальная история vs историческое краеведение в постнеклассической модели науки

В предыдущей статье мы определенно заявили свою научную позицию – подход Научно-педагогической школы источниковедения. О.М. Медушевская, оформившая теорию этого направления в первом десятилетии XXI в., характеризовала актуальное состояние исторического знания следующим образом: «Профессиональное сообщество историков находится в ситуации смены парадигм... По отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них... опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания... Другая парадигма истории как строгой

³⁰ Lorenz C. Drawing the Line: «Scientific» History between Myth-making and Myth-breaking // Narrating the Nation: Representations in History, Media and the Arts / eds. by S. Berger, L. Eriksonas, A. Mycock. NY. : Berghahn, 2008. P. 36.

³¹ См.: Российский краевед [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roskraeved.ru/index.php?page=spisok-distsiplin#2> (дата обращения: 10.03.2012).

науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания...»³²

В целом разделяя эту позицию, отметим все же некоторое наше несогласие с ней. Если О.М. Медушевская предлагает заместить модель смены парадигм моделью их противоборства, то мы бы пошли дальше и предположили, что речь идет не о противоборстве двух парадигм (в широком понимании этого слова), а о параллельном сосуществовании социально ориентированного историописания, на основе нарративной логики, и научно ориентированной истории – истории как строгой науки. Тем более, что и сама О. М. Медушевская пишет, что первая парадигма «неотделима от массового повседневного исторического сознания»³³. И далее: «В силу своей адекватности повседневному историзму массового сознания парадигма нарративной логики преобладает в мире»³⁴.

Это уточнение вводит нас в проблематику постнеклассической науки.

Напомним и уточним нашу исследовательскую гипотезу: постнеклассическая модель науки предполагает, в первую очередь, признание конструирующей деятельности познающего субъекта; в исторической науке это приводит к разрыву социально ориентированной и научно ориентированной истории, а в области истории локусов – к разрыву краеведения как социально ориентированного историописания, целенаправленного на формирование локальной социальной памяти, и собственно локальной истории (новой локальной истории) как предметного поля в структуре актуального научного исторического знания.

Историческое краеведение актуализируется в условиях кризиса доверия к историческому метарассказу, – в первую очередь, к нарративу национально-государственного уровня, – как та сфера общественной деятельности, которая может обеспечить локальную идентичность. Отчетливый маркер актуализации краеведения (местной истории) – это его поощрение государством, что проявилось, в частности, во введении курсов краеведения в школьную программу. Краеведение в этой ситуации выступает как идеологическое средство государственного или национального утверждения. Это обстоятельство не могло не повлиять на усиление когнитивной модели краеведения и одновременно на актуализацию прежней краеведческой традиции, которая продолжает поставлять необходимый иллюстративный

³² Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 15-16.

³³ Там же. С. 15.

³⁴ Там же. С. 16.

материал для подтверждения отдельных, нередко противоположных, тезисов, выдвигаемых специалистами по национальной и региональной истории.

Местная история (историческое краеведение) как социально ориентированное знание существует параллельно знанию научному и при этом не должно рассматриваться как маргинальное или ущербное и т.д. Это иное, **ненаучное** знание, в котором нуждается общественное, а теперь массовое сознание.

Заметим, что сами местные историки, осознавая свою роль в жизни локального сообщества, отделяли (правда, крайне редко!) свое знание от научного, но не умаляли своей социокультурной роли. Еще в 1867 г. известный нижегородский историописатель А.С. Гациский, подготовив первый выпуск «Нижегородского сборника», написал в редакторском Предисловии слова, которыми сумел выразить **ненаучную** значимость местного исторического знания: «Мы сами сознаем недостатки... но мы не менее сознательно убеждены в том, что от нас не потребуют больше того, что мы могли дать... Но с твердой верой в пользу того дела, которое мы начали, мы думаем, что вклад наш в сумму местного знания имеет свою долю ценности, несмотря на все его недостатки»³⁵.

Сложность взаимоотношений новой локальной истории и исторического краеведения как частного варианта соотношения социально ориентированного историописания и постнеклассической исторической науки ярко проявляется, на наш взгляд, в проблеме так называемой *профессионализации местной истории*.

Проблема научной профессионализации местного исторического знания была и для многих остается актуальной. С одной стороны, профессиональные историки отказываются принимать самодостаточность местной истории и призывают местных историописателей к большей научности, конструированию контекста, анализу и т.д.³⁶, не понимая, что тем самым навязывают ей черты научной истории, к которой местная история не принадлежит по своей природе. Это связано с тем, что под влиянием идеологии сциентизма ученые еще продолжают настаивать на борьбе с «ложной» практикой историописания³⁷, на том, что формируемая историческая память должна

³⁵ [Гациский А.С.] Предисловие // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом, под редакцией действительного члена и секретаря комитета А.С. Гациского. Нижний-Новгород, 1867. Т. 1. С. I.

³⁶ Kammen C. Introduction: Local History – In Search of Common Threads // The Pursuit of Local History: Readings on Theory and Practice / ed. by C. Kammen. Walnut Creek (California), 1996. P. 12-13.

³⁷ Тош Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М. : Весь Мир, 2000. С. 29.

как можно точнее «отражать» реальные события прошлого и, следовательно, историки должны противостоять всякого рода «псевдоисториям»³⁸.

С другой стороны, местными историками (краеведами) указания на **ненаучность** их знания по-прежнему часто воспринимаются с обидой. В этой связи специалисты в области исторического краеведения, – может быть целенаправленно, но скорее по незнанию современной философии науки и теории исторического познания, – смешивают разные поля современного исторического знания, а по сути, разные его типы – социально ориентированный и научный. Например, на открытии Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 2007) С.О. Шмидт указал: «Организация Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов [здесь и далее выделено нами – С.М., М.Р.] – явление показательное не только в плане развития научных знаний, но и как характерный фактор современной жизни, свидетельство возрастающего внимания к *проблематике краеведения* [заметим, что съезд назывался Съездом историков-регионоведов – С.М., М.Р.] и в среде ученых, и у общественности, и в органах управления»³⁹. Более четко мысль о том, что научные предметные области, изучающие отдельный локус или регион (новая локальная история, региональная история) являются, по сути, краеведением (sic!), оформил В.Ф. Козлов, добавивший, что настоячивые «попытки отдельных историков подменить (заменить) термин “историческое краеведение”, иным, чаще всего калькированным [из зарубежного опыта – С.М., М.Р.], термином, скорее всего, обречены на неудачу»⁴⁰. С российским краеведом солидарны некоторые британские специалисты в области местной истории, которые сожалеют, что сегодня новые предметные поля исторической науки «используют специализированную терминологию и не пытаются установить коммуникации с неспециалистами»⁴¹. Отсутствие

³⁸ *Carrier R.C.* The Function of the Historian in Society // *The History Teacher*. 2002. Vol. 35. № 4. P. 519-526.

³⁹ [Шмидт С.О.] Обращение председателя Союза краеведов России, академика РАО Сигурда Оттовича Шмидта // *Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11-13 октября 2007 года)* : в 3 т. СПб., 2010. Т. 1. С. 27.

⁴⁰ *Козлов В.Ф.* Историческое краеведение как научное направление (о спорах вокруг определения, задач, перспектив развития) // *Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов...* Т. 1. С. 69.

⁴¹ [Dyer C.] Introduction: Local History in the Twenty-First Century / [Dyer C., Hopper A., Lord E., Tringham N.] // *New Directions in Local History since Hoskins* / eds by Christopher Dyer, Andrew Hopper, Evelyn Lord and Nigel Tringham. Hertford : Univer. of Hertfordshire Press, 2011. P. 3-4.

специальной терминологии (что для научного труда было бы странным требованием!) эти авторы расценивают как несомненное достоинство местной истории. Они пишут: «... позитивное качество местной истории – это ее цель быть доступной для широкой читательской аудитории, что предполагает, что она избегает академический “птичий язык” и чересчур специальную терминологию, чтобы усилить эффективность коммуникации с широкой публикой через выступления, сайты и издания»⁴².

Другие историки все-таки считают, что разница между научным историческим знанием и его ненаучной формой должна быть отрелексирована, как должны быть проведены и предметные границы между местной, региональной и иными историями. Еще в середине XX в. Ф.Д. Джордан, говоря о присутствии научного подхода в изучении местного / регионального прошлого, признал, что «значительная часть того, что обычно называется “местной историей” в действительности представляет из себя региональную и межрегиональную историю»⁴³.

Действительно, положение местной истории и исторического краеведения в историческом знании оказывается не столь уж однозначным, как кажется некоторым авторам. Сам факт существования под видом изучения истории модели историописания, которая по своим исследовательским параметрам не соответствует критериям профессионализма современной науки, провоцирует историков к тому, чтобы задуматься о том, чтобы переквалифицировать местных историков и краеведов в специалистов в области региональной истории. Именно такой вопрос относительно местных историков задал А.Дж.Х. Джексон⁴⁴. Однако он оказался не первым, на несколько лет ранее утвердительно на такой вопрос уже отвечали. По мнению Т.А. Бэрнхэрта, предпринималось много усилий, чтобы смягчить существующие между исторической наукой и местной историей противоречия. Поэтому, в качестве рецепта избавления последней от провинциализма, Т.А. Бэрнхэрт еще в 2000 г. предложил принять местным историкам исследовательскую практику региональной истории⁴⁵. О том, что мы сейчас приводим не отдельные

⁴² Ibid. P. 6.

⁴³ Jordan Ph.D. The Nature and Practice of State and Local History. Washington : Service Center for Teachers of History, 1958. P. 12.

⁴⁴ Jackson A.J.H. Process and Synthesis in the Rethinking of Local History: Perspectives Contained in Essays for a County History Society, 1970 – 2005 // International Journal of Regional and Local Studies. 2006. Vol. 2. № 1. P. 7.

⁴⁵ Barnhart T.A. Of Wholes and Parts: Local History and the American Experience [Электронный ресурс] Localités / Localities. Paper 1. URL: <http://thekeep.eiu.edu/localities/1/>

высказывания зарубежных историков, а ведем речь о тенденции, присутствующей в современной историографии, свидетельствует аналогичное мнение, высказанное об историческом краеведении. Почти десять лет назад Л.А. Егорова предложила отказаться от термина *историческое краеведение* в пользу *исторической регионалистики*. Краеведение, по ее мнению, можно «оставить для любителей местной истории и старины, разграничив, тем самым, поля деятельности»⁴⁶.

Мы же, в свою очередь, еще раз со всей определенностью подчеркнем, что новая локальная история реализует модель постнеклассической науки, историческое краеведение, по-прежнему ориентируясь на классическую модель научного знания и нарративную логику историописания, удовлетворяет общественную потребность в обеспечении идентичности на основе коммеморации – общей исторической памяти социума⁴⁷. Их сравнение вне понимания трансформаций научного знания от классической к неклассической и далее – к постнеклассической модели, а также соотношения социально ориентированного историописания и истории как строгой науки подобно поиску ответа на вопрос: кто кого поборет – слон или кит?

Сложности размежевания новой локальной истории и исторического краеведения носят, на наш взгляд, скорее психологический, чем эпистемологический характер, о чем свидетельствует явно болезненное отношение краеведов к выведению их сферы деятельности за пределы науки. Традиция сциентизма оказалась очень устойчивой. Анализ этого феномена выходит далеко за рамки рассматриваемой нами проблемы. Но всё же наметим несколько факторов, заставляющих, по-прежнему, рассматривать науку (имплицитно подразумевается – классическую модель науки) как высшую форму знания, а значит и стремиться стереть грань между историческим краеведением и научной историей. Классическая наука имеет целью достижение истины, понимаемой как наиболее адекватное соответствие знания так называемой «объективной реальности». Отсюда – вполне логично, что иные

---

⁴⁶ Егорова Л.А. Перспективы развития и использования методов школы исторического краеведения в сфере локальных исторических исследований // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX – XX веках. Челябинск, 2003. С. 51-52.

⁴⁷ Недавно мы уже рассматривали проблему модификации функций краеведения как социально ориентированного историописания при переходе от постмодерна к постпостмодерну и трансформации его взаимоотношений с новой локальной историей: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Краеведение: дисциплина исторической науки vs форма общественного сознания // Краеведение как феномен провинциальной культуры : мат-лы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886-1971) (Омск, 27-29 октября 2011 г.). Омск, 2011. С. 32-38.

формы знания дают «искаженное» представление о реальности, а, следовательно, должны быть преодолены. Неклассическая и тем более постнеклассическая наука усложняет понятие истины и, в результате, не претендует на сингулярность истинного знания. Явно устаревшая классическая модель науки все же востребована: она консервируется школьной системой образования, что свидетельствует о расхождении научного знания и общественного сознания, формируемого на основе классической модели науки. Не последнюю роль в этом процессе играет государство, взявшее на вооружение идеологию сциентизма и санкционирующее соответствующую систему образования. Этот аспект подробно проанализирован Полом Фейерабендом – философом-постпозитивистом с наиболее радикальными воззрениями, в частности, и на классическую модель науки⁴⁸.

В заключение с осторожностью заметим, что в начале XXI в., с переходом от постмодерна к постпостмодерну, ситуация начинает несколько меняться: государство все более нацелено на формирование общенациональной исторической памяти, что реализуется через конструирование «мест памяти» государственного, но не локального масштаба. Модельным примером такой искусственной коммеморации служит учреждение в России в 2005 г. государственного праздника – Дня народного единства (4 ноября)⁴⁹. Однако, на наш взгляд, такое изменение идеологии не влечет вытеснения локальной исторической памяти, формируемой историческим краеведением, общегосударственной исторической конструкцией, но усложняет структуру исторического знания, порождая, в лучшем случае, множественность идентичностей.

---

⁴⁸ Фейерабэнд П. Против методологического принуждения. // Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 125-466.

⁴⁹ Подробнее см.: Румянцева М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем : Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 21. С. 106-118.